

конце концов она вынуждена была обратиться к народу, к народному восстанию и изгнать жирондистов из Конвента, чтобы можно было сделать первые шаги в намеченном направлении.

В данную минуту, в начале деятельности Конвента, «уважение прав собственности» проявлялось у жирондистов даже в самых мелких подробностях. Так, например, на подножиях статуй, которые носили по улицам во время одного празднества, они делали надпись: «Свобода, Равенство, Собственность» вместо «Свобода, Равенство и Братство»; а когда Дантон в первом заседании Конвента сказал в своей речи: «Заявим, господа, что всякая собственность, земельная, личная и промышленная, будет навсегда окружена нашим уважением», - то жирондист Керсен бросился обнимать его. «Я каюсь, что сегодня утром назвал вас мятежником», - говорил он, обнимая «горца» Дантона, и это значило: «Раз вы обещаете уважать буржуазную собственность, закроем глаза на вашу долю ответственности в сентябрьских убийствах!»

В то время как жирондисты стремились таким образом организовать буржуазную республику и положить основы обогащению буржуазии по образцу того, что было сделано в Англии после революции 1648 г., монтаньяры («горцы») или по крайней мере крайняя их группа, скоро взявшая верх над умеренной, представителем которой был Робеспьер, уже намечали в общих чертах основы нового, социалистического общества, что бы там ни говорили некоторые наши современники, совершенно напрасно приписывающие себе или своей партии инициативу социалистической мысли. Они хотели, во-первых, уничтожить всякие следы феодализма; затем - уравнивать собственность, уничтожить крупное земельное владение, наделив землей всех, даже самых бедных, крестьян; организовать общественное распределение предметов первой необходимости (хлеб, мясо, масло и т. д.), причем эти товары оценивались бы по их действительной стоимости, и, наконец, делая из налога боевое оружие против богатых, вести непримиримую войну против «коммерсантизма»: против всех спекуляторов, банкиров, коммерсантов и собственников промышленных предприятий, уже плодившихся в ту пору.

Вместе с тем они еще в 1793 г. провозглашали «право на всеобщее благосостояние», т. е. «довольство, достаток для всех», из которого социалисты сделали впоследствии «право на труд». «Право на довольство» упоминалось уже в 1789 г. (27 августа) и вошло в конституцию 1791 г. Но даже самые передовые жирондисты находились слишком во власти своего буржуазного воспитания, чтобы понять сущность этого права на всеобщее довольство, предполагавшего право всех на землю, а также полную реорганизацию распределения предметов первой необходимости и обобществление (национализацию) обращения товаров.

Вообще современники описывали жирондистов как «партию людей тонких, ловких интриганов и в особенности честолюбивых»; это - люди легкомысленные, говоруны, задорные, но проникнутые адвокатскими привычками (так говорил Мишле). «Они хотят республики, - говорил Кутон, - но хотят также аристократию». Они обнаруживали большую чувствительность, но такую чувствительность, которая, как говорил Робеспьер, «плачет почти исключительно над врагами свободы».

Народ внушал им отвращение; они боялись его¹.

Когда Конвент собрался, никто еще не отдавал себе ясного отчета в том, какая пропасть разделяет жирондистов от монтаньяров. В их распрях не видели ничего, кроме личной вражды между Бриссо и Робеспьером. Так, например, госпожа Жюльен, истинная монтаньярка по своим чувствам, вызывает в своих письмах к обоим противникам, уговаривая их прекратить братоубийственную войну. Но уже тогда борьба между Бриссо и Робеспьером была борьбой двух противоположных начал: партии «порядка» и партии революции.

Народ в момент борьбы, а также и историки в своих книгах любят воплощать всякое историческое столкновение в лице двух противников. Оно короче, удобнее в разговоре, а также более похоже на «роман», «драматичнее». Вот почему борьба между двумя партиями Конвента часто изображалась как столкновение двух честолюбии - Бриссо и Робеспьера. Как всегда, бывает, оба героя, которых народ, а за ним и историки избрали олицетворением столкновения, выбраны хорошо. Они типичны и недурно выражают оба направления. Но в сущности Робеспьер не был таким сторонником уравнительных мер, какими были некоторые монтаньяры после падения жирондистов. Он принадлежал к

¹ Чтобы понять всю ненависть и все презрение жирондистов к народу, нужно прочесть мемуары Бюзю. Там сплошь да рядом встречаются такие фразы: «Париж — это сентябрьские убийцы», там «утопаешь в грязи этого испорченного города»; «чтобы нравиться парижскому народу, нужно было обладать его пороками» и т. п. См.: Buzot F. Memoires sur la Revolution Francaise, precedes d'un precis de sa vie. Publ. par Guadet. Paris, 1828, p. 32, 45, 141 et suiv. См. также письмо Петиона к Бюзю от 6 февраля 1792 г., напечатанное в «Revolutions de Paris», v. XI, p. 263, выдержки из которого приводит Олар.